

В ходе боя варвары искусно сочетали применение метательного и ударного оружия. В битве при Салициях (377 г.), сближаясь с противником, они поражали его дротиками и другими метательными снарядами, а затем перешли к рукопашному бою (Amm. Marc., XXXI, 7, 12—14). Но и в ходе этого последнего готы при каждой возможности пускали в ход луки, бросали в римлян большие обожженные палицы. Подобное сочетание рукопашного и метательного боя имело место и на отдельных этапах Адрианопольской битвы. В некоторых случаях при наличии у них очень плотных боевых порядков и при весьма близком от противника расположении варвары сразу же начинали рукопашный бой и пытались сокрушить строй, римлян мечами и копьями (Amm. Marc., XIX, 10 сл.).

Главный удар наносился по центру или флангам противника. Варвары стремились прорвать его боевые порядки, чтобы затем, произведя соответствующий маневр, нанести окончательное поражение ослабленным и разорванным рядам римлян. Так, во время боя с Паннонским и Мезийским легионами сарматы, добившись вначале успеха в схватке с мезийцами, вслед за тем «прорвали боевую линию Паннонского легиона и, раздробив силы отряда, вторичным ударом едва не истребили всех» (Amm. Marc., XXIX, 6, 14). В отдельных случаях варвары Подунавья стремились к окружению противника, ярким примером чего может служить битва при Адрианополе¹⁹. Решительные и трудные формы боя, которые применяли варвары, основывались прежде всего на искусном использовании многочисленной конницы, их главной ударной и маневренной силы. Располагавшаяся обычно на флангах, она наносила мощные удары по пехоте противника и успешно боролась с его конницей²⁰.

Борьба с Римом явилась величайшим испытанием сил и военного искусства племен Подунавья. Их вторжения в Империю, начавшись в 30-е годы III в., продолжались с небольшими перерывами почти сто лет. Римской империи удалось тогда устоять лишь ценою величайшего напряжения сил. В 20—30-е гг. III в. римляне частично стабилизировали положение на дунайской границе и добились здесь временного затишья²¹. После сравнительно короткого мирного этапа племена Подунавья возобновили свои наступательные войны. В 40-е гг. III в. начался новый период их борьбы с Римом²². Они с возрастающей силой нападали на раздираемую внутренними противоречиями мировую державу. Вторжения подунайских племен увенчались известной победой при Адрианополе (378 г.), а затем и взятием Рима (410 г.).

Адрианопольская битва была вершиной военного искусства племен Подунавья. В ней варвары проявили не только свойственные им выносливость и мужество. Они умело маневрировали на поле боя, хорошо сочетали действия пехоты и конницы. Вырвав в упорных схватках инициативу из рук римлян, готы и аланы обрушили на их фланги тяжелые удары, а затем, используя все резервы, охватили императорское войско и нанесли ему сокрушительное поражение²³.

Победа при Адрианополе явилась итогом длительной борьбы подунайских племен с Римом. В ходе многочисленных войн варвары истощили резервы Империи, усовершенствовали и развили свое военное искусство. В нем типичные для варваров методы ведения войны сочетались с умелым использованием многих достижений античного военного дела.

А. М. Ременников

¹⁹ W. J u d e i c h, Die Schlacht bei Adrianopel am 9. Aug. 378 n. Chr., «Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1891, т. 6, стр. 18.

²⁰ О давних традициях конного боя у задунайских племен см. Б л а в а т с к и й, ук. соч., стр. 23 слл.

²¹ Istorîa Romîniei, I, 1960, стр. 657 слл.

²² E. A. T h o m p s o n, Constantine, Constantius II and the Lower Danube Frontier, «Hermes», 84, 1956, вып. 3, стр. 380.

²³ O r o s., VII, 33, 13; S o e r., IV, 38; A m m. M a r c. XXXI, 13.

MILITARY TECHNIQUES OF THE DANUBE TRIBES
IN THE WARS WITH THE ROMAN EMPIRE
(FOURTH CENTURY A. D.)

by A. M. Remennikov

Almost the whole of the fourth century was taken up by the struggle between the Danubian tribes and Rome. Involved in this struggle were the peoples, more than five million strong, of central and southeastern Europe. Their most experienced military forces were the well armed bands of the nobility, which engaged in raiding expeditions of a local character. For warfare on a larger scale troops were called up *en masse*, including at critical moments the whole population capable of bearing arms. The armament of these tribes was of various kinds, the main offensive weapon being the sword. Infantry and cavalry forces were sharply distinguished.

Three main groups of Danubian tribes moved against the Roman Empire in the fourth century. Along the upper courses of the Danube the Juthungi and Marcomanni attacked Raetia. In the middle Danube region the Sarmatians and the Quadi, striking against Illyria, disrupted the most important parts of this principal Roman base. The largest group was made up of the tribes of the lower Danube and included Germans, Thracian Getae, Sarmatians and Slavs. This group concentrated first on the conquest of Dacia and then on holding it. Moesia, Thrace and Macedonia came under their blows.

The commonest type of military action undertaken by the barbarians against the Empire was raiding enemy territory. In time the raids expanded into campaigns with definite objectives: a general levy of Danubian tribes aimed at seizing Roman lands and inflicting defeat upon the main forces of the Imperial army. The barbarians employed different battle tactics, depending on circumstances. Their specialty was the surprise attack delivered by superior forces. Their main offensive and manoeuvring arm was cavalry in large masses. In the long struggle with the Empire the Danubian tribes improved and developed their military techniques, combining barbarian methods with intelligent use of the achievements of the ancient art of war as practised by the more civilised states.

О МЕЛКОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
В ЗАПАДНЫХ ПРОВИНЦИЯХ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ *

Для изучения социальной структуры поздней Римской империи проблема мелкой земельной собственности и свободного крестьянства имеет первостепенное значение. Между тем проблема эта мало исследована и в зарубежной, и в советской специальной литературе. Некоторые ученые вовсе не находили места для мелких земельных собственников в позднеримском обществе Запада, полагая, что они были полностью вытеснены крупными и средними землевладельцами¹. Ряд зарубежных историков отмечали наличие мелких собственников и свободных деревень в поздней Римской империи², однако в

* Доклад прочитан на конференции по проблемам античности, состоявшейся в Москве 27—30 мая 1968 г.

¹ И. М. Гревс, Очерки из истории римского землевладения, т. I, СПб., 1899, стр. 227—232; Н. Д. Фюстель де Куланж, История общественного строя древней Франции, т. IV, СПб., 1907, гл. I; M. Rostovtzeff, The Social and Economic History of the Roman Empire, Oxf., 1926, стр. 478.

² А. Нальбан-Блуменстокк, Die Entstehung des deutschen Immobiliareigentums, Innsbruck, 1894, стр. 138—143; Н. Волкестейн, De colonatu romano ejusque origine, Amstelodami, 1906, стр. 88—118; A. H. M. Jones, The Later Roman Empire, II, Oxf., 1964, стр. 781.

их работах не рассматривался вопрос о месте этих мелких собственников в классовой и сословной структуре позднеримского общества. Иногда, правда, к рассматриваемой проблеме подходят и по-другому. Исследуется юридическое значение терминов *plebs* и *plebs rustica*, но вне связи с социально-экономическим развитием и классовыми отношениями в поздней Римской империи³. Из советских исследователей существование свободного крестьянства в Западной Римской империи отмечала Е. М. Штаерман⁴. По ее мнению, этот слой земледельцев не играл самостоятельной роли, так как «к концу IV — началу V в. свободные крестьяне и колонны почти полностью слились в одну категорию»⁵.

Материал источников о мелких земельных собственниках в период поздней Империи очень скуден. Но он дает все же некоторое представление о различных группах этого социального слоя. Вдобавок мы располагаем некоторыми данными о структуре римского населения в варварских королевствах, возникших в V в. на территории Западной Римской империи и, применяя ретроспективный метод исследования, можем судить о составе населения римских провинций накануне гибели Империи.

Мы не располагаем прямыми данными о распределении земельной собственности, поэтому нам приходится использовать те косвенные сообщения о мелких земельных собственниках, которые можно извлечь из упоминаний источников о различных типах поселений и их обитателях, об основных сословных группах населения, имущественном и общественном положении их представителей.

В эпитафических памятниках и произведениях землемеров, относящихся к периоду ранней Империи, упоминаются деревни — *vici*, расположенные на территории городских округов или крупных вилл. Такие деревни существовали и в последний период Империи. Юридические источники отличают деревни (*vici*) от имений (*possessiones*) и от городских общин (*civitates*) (СTh, XVI, 2, 33; VIII, 5, 35). Мелкие земельные собственники иногда именуются *vicani propria possidentes* (СTh, XI, 24, 5). Они жили также в получивших широкое распространение в период поздней Империи *castella* и, наконец, составляли значительную часть населения городских общин, о чем будет сказано ниже.

Обращаясь к рассмотрению юридической градации, существовавшей в позднеримском обществе среди свободных людей, мы, естественно, прежде всего должны остановиться на таком слое, как плебс. В рассматриваемый период плебеи представляли собой сословную группу, отграниченную от иных слоев свободного населения, с одной стороны, от колоннов и, с другой, — от рабов. Состав населения городского округа, по юридическим памятникам, это куриалы (или декурионы) и плебс. К плебсу относятся городской плебс (*plebs urbana*), который пользовался в ряде городов Империи некоторыми привилегиями, а часть его несла особые обязанности по отношению к государству (коллегияты). К этому же плебсу причисляются и земледельцы. Иногда их обозначают термином *plebs rustica*⁶, но чаще всего именуют просто *plebs* или *populus*⁷. Их экономический статус характеризуется в известной мере тем, что они нередко обозначаются как *possessores*, а их земельный надел называется *possessio*⁸. Иногда в отличие от сенаторов или за-

³ W. Seyfarth, *Soziale Fragen des spätrömischen Kaiserzeit im Spiegel des Theodosianus*, В., 1963.

⁴ Е. М. Штаерман, Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи, М., 1957, стр. 161—165, 175—178, 186—188, 206, 220, 247.

⁵ Е. М. Штаерман, К вопросу о крестьянстве в западных провинциях Римской империи, ВДИ, 1952, № 2, стр. 111. Ф. Лот тоже считал, что в период поздней Римской империи слой *plebs rustica* состоял почти целиком из колоннов, — F. Lot, *L'impat foncier et la capitation personnelle sous le Bas-Empire et à l'époque franque*, P., 1928, стр. 76.

⁶ СI, XI, 54, 1; *Ne quis ex rusticana plebe, quae extra muros posita capitationem suam detulit...* Ср. СTh, XIII, 1, 3.

⁷ СTh, I, 29, 7 (392 г.); XII, 6, 20 (386 г.).

⁸ СTh, XI, 1, 13 (366—374 г.); XIII, 1, 12 (384 г.); XI, 1, 31 (412 г.); XI, 24, 3 (395 г.). Если при перечислении людей, находящихся под юрисдикцией государственных судей, за *honorati*, *decurioni* следуют посессоры и колонны, то можно не сомневаться, что *possessores* данной конституции — это плебеи-землевладельцы (СTh, IX, 27, 6 — 386 г.).

житочных куриалов, которые тоже посессоры, земледельцы-плебеи выступают в качестве *minores possessores*⁹. Плебеи пользуются некоторыми политическими правами и являются членами церковной общины. Они участвуют в избрании дефензора (*N. Mai.* III). Все плебеи, в том числе и сельские, участвуют в избрании епископа¹⁰.

Как известно, в поздней Римской империи рядом с прежними сословными делениями возникла градация: *honestiores* и *humiliores*. Плебеи, как правило, относились ко второй категории. Для них, как и для всех *humiliores*, уголовное право назначает особые наказания¹¹. Законы иногда прямо умаляют их правоспособность по отношению к декурионам и представителям высших слоев общества¹². К плебейским в первую очередь относились термины *pessimi* (СТh, IX, 27, 1), *tenuiores* (СТh, I, 29, 2), *infimi* (СТh, XI, 16, 4). В юридических и нарративных памятниках IV—V вв. отражен процесс утраты определенной частью плебеев личной независимости, земельной собственности и свободы. Плебеи (крестьяне) эксплуатируются городской верхушкой и государством с помощью налогов и повинностей. Они нередко становятся жертвами прямого насилия магнатов и государственных чиновников, захватывающих их земельные участки, рабов и скот. Мелкие земельные собственники вынуждены отдаваться под покровительство магнатов, становиться прекаристами или колонами.

В ряде случаев источники говорят о состоянии, переходном от статуса свободного крестьянина — плебея к статусу колона. Иногда в законах идет речь о людях, поселившихся в имениях фиска или частных лиц в качестве колонов, но сохранивших за собой право собственности на свои участки в месте прежнего жительства [СЛ, XI, 48, 4 (366г.)].

Мы можем отметить некоторое сближение в положении плебеев-крестьян и колонов. Особенно это относится к тем крестьянам, которые вступили под патронат магнатов. Иногда в императорских конституциях колоны даже включаются в состав *plebs rustica*¹³, как это нередко можно видеть в хозяйственных документах раннего средневековья во Франкском королевстве, в Италии и Испании. Тем не менее, в позднеримских памятниках до конца сохраняется довольно четкое разграничение мелких земельных собственников — плебеев и колонов. Даже в тех случаях, когда колоны включаются в состав *plebs rustica*, их не смешивают с прочими *rusticani*, свободными земельными собственниками¹⁴. В то же время плебеи, о котором должен заботиться дефензор, это *rusticitas* (СЛ, I, 55, 3). Крестьяне — мелкие собственники считались посессорами, в то время как колонов ими не признавали¹⁵; различен был порядок призыва тех и других в войско: плебеи-земледельцы, объединяясь по несколько человек, выставляли рекрута, а колонов направляли в войска их господа (СТh, VII, 13, 7); мелкие собственники — плебеи пользовались всеми правами свободных людей, а колоны были лишены ряда таких прав¹⁶.

О крестьянском плебейском хозяйстве мы можем судить на основании скудных косвенных данных. Известно, что землевладельцы, которые имели более 25 югеров собственной земли, согласно конституции 342 г., зачислялись в курии (СТh, XII, 1, 33). Можно предположить, что основная масса свободных крестьян располагала владениями, не превышавшими указанные размеры. Согласно расчетам Моммзена, римская крестьянская семья обеспечивала свое существование,

⁹ СТh, XI, 7, 12 (383 г.): *Potentiorum possessorum domus officium provinciae rectoris exigere debet, decurio vero personas curialium convenire, minores autem possessores defensor civitatis ad solutionem fiscalium pensationem spectata fidelitate compellere.*

¹⁰ *Vita Germani*, c. 2, MGH, *Script. rerum Merov.*, t. VII, 1.

¹¹ СТh, XVI, 5, 52; 54; *N. Val.*, XXIII, 3—4.

¹² СТh, XI, 1, 14 (366—374 гг.). Ср. СТh, V, 19, 1 (365 г.).

¹³ СТh, XIII, 1, 10.

¹⁴ СТh, XIII, 1, 3 (361 г.); XIII, 1, 10 (374 г.). См. также *Seufarth*, ук.

соч., 111—112, 118.

¹⁵ *Dig. XLIII, 26 Ulp.*; *СЛ*, VII, 39, 2.

¹⁶ См. А. Р. Корсунский, О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV—V веках, ВДИ, 1954, № 2, стр. 65—66.

работая на участке площадью примерно в 20 югеров¹⁷. Как ни приблизительно эти подсчеты, они в общем, по-видимому, недалеко от действительности. Во всяком случае в IX в. средние размеры манса зависимого крестьянина, по данным Сен-Жерменского полиптика были примерно такими же. Крестьянин имел передко одного-двух рабов¹⁸. Он располагал упряжкой быков (CTh, II, 30, 1). В некоторых областях Италии и в других западных провинциях крестьяне были связаны с рынком; они продавали свой урожай и покупали ремесленные изделия (CTh, XIII, 1, 10). В Италии и в романизованных провинциях Запада у крестьян не сохранилась общинная организация. В ряде случаев в деревнях имелась, однако, организация самоуправления, выборные должностные лица.

К мелким собственникам в поздней Империи относились не только плебеи. Согласно утвердившейся в исторической литературе точке зрения, курялы — это средние землевладельцы в отличие от крупных землевладельцев — сенаторов. В период же поздней Империи значительная часть курялов под непосильным налоговым бременем беднеет и разоряется.

Первоначально городские землевладельцы действительно представляли собою — если не в большинстве, то в значительной части — владельцев имений средних размеров, обрабатывавшихся с помощью рабов, а также колонов. Курялы относились к *honestiores* и пользовались в связи с этим некоторыми привилегиями по сравнению с плебсом¹⁹.

Уже к середине IV в. среди курялов, однако, заметна глубокая дифференциация. Из юридических и нарративных памятников видно, что власть в курях принадлежит городской верхушке *principales, decemprimi, potentes*, которая использует свое положение для того, чтобы перекладывать всю тяжесть налогов и повинностей на основную массу рядовых курялов — *inferiores*²⁰. По свидетельству конституции Феодосия и Валентиниана от 429 г., почти нельзя было найти зажиточного куряла в городах провинции Африки (CTh, XII, 1, 186). Некоторые курялы настолько беднеют, что их приходится освобождать от городских повинностей (CTh, XII, 17, 1—324 г.), разрешать им продавать рабов и земли (N. Mai., VII, 9). Эта часть курялов фактически не отличается по своему имущественному положению от плебеев — мелких собственников. Конституция 342 г., предписывающая включать в состав курий плебеи, имеющих более 25 югеров земли²¹, показывает, что среди курялов могли быть посессоры, владевшие типичными крестьянскими наделами²². Закон, дифференцирующий денежные штрафы различных категорий населения, приравнивает по платежеспособности городскую верхушку к *clarissimi*, а прочих курялов к плебсу (CTh, XVI, 5, 52; 54). Вопреки нормам официального права курялов начинают подвергать, как и *humiliores*, телесным наказаниям²³. Писателям V—VI вв. — Августину, Сальвиану, Эвгиппию хорошо известен тип жителя городской общины, куряла-бедняка, собственноручно обрабатывающего клочок земли возле стен своего города²⁴. По сообщениям императорских конституций, куря-

¹⁷ Т. М о м з е н, История Рима, I, М., 1936, стр. 177.

¹⁸ CTh, I, 29, 2 (365 г.); XI, 9, 1 (323 г.); II, 30, 1 (315 г.).

¹⁹ Они освобождались от ряда тяжелых наказаний (Dig. XLVIII, 19, 9, 11). Их нельзя было подвергать телесным наказаниям (CTh, XII, 1, 47), пыткам (CTh, XII, 1, 80). Судить их мог лишь правитель провинции. Они освобождались от тех налогов, которые платили торговцы и ремесленники (CTh, XII, 1, 50; XIII, 1, 4).

²⁰ CTh, XII, 1, 173 (410 г.) Ср. CTh, II, 30, 1; S a l v., De gubern. Dei, V, 7, 28; V, 38.

²¹ CTh, XII, 1, 33. В число курялов включались и те плебеи, у которых было менее 25 югеров собственной земли, но которые имели еще держания в имениях фиска (там же).

²² В 415 г. было предписано, чтобы все свободные люди в городских общинах, не состоящие в каких-либо *corporata*, были включены либо в курии, либо в коллегии (CTh, XII, 1, 179).

²³ CTh, XII, 1, 80; 85; 126; 153; 190.

²⁴ August., De cura pro mortibus gerenda, 12, 15 (CSEL, XLI, стр. 644): *curialis pauper, vix illius loci dumviralitius et simpliciter rusticanus*, S a l v., De gubern. Dei, V, 7, 28; E n g i p p., Vita S. Severini, c. 12, 14, 22.

лы спасаются бегством, поселяются в имениях фиска и магнатов в качестве колонов, женятся на рабынях или женщинах из разряда колонов. Они, подобно плебеям, отдают иногда своих детей на воспитание пастухам (CTh, IX, 31, 1), их дочери выходят замуж за рабов или акторов (N. Mai., VII, 5). Курiales подобного рода — это, очевидно, в своем большинстве именно мелкие собственники.

Таким образом, значительная часть курiales представляла собой уже не средних, но мелких земельных собственников. Такими иногда вновь становились крестьяне, превратившиеся ранее в наемных работников и накопившие достаточно средств для основания самостоятельного хозяйства²⁵; так в известной надписи из Мактариса говорится о жнеце, который стал в дальнейшем собственником виллы и дома и декуррионном.

Известно, что в эпоху поздней Империи имелось много запустевших заброшенных земель и что государство всячески поощряло тех, кто согласен был начать и с обработку, облегчая переход таких земель в собственность этих лиц²⁶.

Применение же в сельском хозяйстве наемного труда свободных людей, как доказывает Зейфарт, не было в период поздней Империи исключительным явлением²⁷.

Мелкими земельными собственниками могли становиться вольноотпущенники. Правда, в большинстве случаев они находились в тесной зависимости от своих патронов, а поэтому, если и приобретали земельную собственность, то не могли вполне свободно распоряжаться ею²⁸.

Рассматривая аграрные отношения в поздней Римской империи, нельзя не учитывать земельную собственность ветеранов. В Римском военно-бюрократическом государстве армия, как известно, была весьма многочисленна. Ветераны же составляли особый слой населения, пользовавшийся рядом привилегий по сравнению со свободными людьми из низших слоев общества. Они были освобождены от принудительных повинностей в пользу государства (милития) и, по-видимому, не платили налоги за те земли, которые были им предоставлены государством. Но приобретая новые земли, подлежавшие обложению, ветераны, очевидно, обязывались платить соответствующие налоги (CTh, XI, 1, 28, 400). Ветераны не подвергались некоторым унижительным наказаниям, принудительному труду в рудниках, наказанию плетью. Их не заставляли выполнять обязанности декуррионов. Они имели свои организации — коллегии ветеранов. Все это, разумеется, не определяет еще социального положения данного слоя. Решающее значение имело имущественное положение, которое не было у них одинаковым. В I в. до н. э. — I в. н. э. ветераны получали нередко большие наделы. Так, например, в I в. н. э. рядовые солдаты на территории нынешних Вюртемберга, Бельгии, Веттерау, по подсчетам Шмитца, получали в среднем 400 югеров²⁹. В Галлии же, согласно кадастру из Оранжа, наделы солдат составляли 33 1/2 или 66 2/3 югера³⁰. В Дунайских провинциях в это же время надел ветерана был еще меньше. В Далмации при Августе — 50 югеров, при Тиберии — 25 югеров³¹. Обычным наделом ветерана Гигин считал участок в 66 2/3 югера³².

²⁵ Согласно Эдикту о рыночных ценах и заработной плате, сельскохозяйственный рабочий (operarius rusticus) получал в день со столом 25 денариев.

²⁶ A. Halban-Blumenstock, ук. соч., стр. 151 сл.; E. Levy, West Roman Vulgar Law, Philadelphia, 1951, стр. 195; J. de Malafosse, Le droit agraire du Bas-Empire et dans l'empire de Orient, Firenze, 1955, стр. 43.

²⁷ Seyfart, ук. соч., стр. 96—100.

²⁸ Корсунский, ук. соч., стр. 56—58.

²⁹ H. Schmitz, Stadt und Imperium. Köln in römischer Zeit, I, Köln, 1948, стр. 142 сл.

³⁰ A. Pignaniol, Les documents cadastraux de la colonie romaine d'Orange, P., 1962, стр. 56.

³¹ Ю. К. Колосовская, К истории падения римского господства в Дакнии, ВДИ, 1955, № 3, стр. 73; она же, Ветеранское землевладение в Паннонии, ВДИ, 1963, № 4, стр. 105.

³² Die Schriften der römischen Feldmesser, I, B., 1848, стр. 201.

В поздней Империи вывод колоний ветеранов становится редким явлением, хот не прекращается вовсе. Согласно закону Константина от 320 г., ветераны могли приобретать пустующие земли. Государство содействовало им в организации хозяйства, оказывая помощь деньгами, рабочим скотом и семенами. Простые солдаты получали 50 фоллиев, пару волов и 50 модиев зерна. Солдаты гвардейских войск — 100 фоллиев, две пары волов и 100 модиев зерна. (CTh, VII, 20, 3). Если учесть, что, согласно расчетам Колумеллы, для засева одного югера требовалось 4 модия зерна (Colum., De re rust. II, 9, 11), то обычный размер надела ветеранов из рядовых солдат равнялся 12 1/2 югерам, а ветерана из гвардейских войск — 25 югерам. В обоих случаях перед нами наделы крестьянского типа. Разумеется, ветераны могли приобретать землю и дополнительно, а так как они пользовались рядом преимуществ по сравнению с крестьянами-плебеями, то среди них, очевидно, было немало зажиточных крестьян. Обычно они использовали в своем хозяйстве труд рабов (CTh, VII, 20, 8).

Особый разряд землевладельцев в поздней Империи составляли солдаты, получавшие земли для обработки и обязанные нести военную службу. Такие солдаты-земледельцы, леты, селились главным образом на границах государства, но иногда и во внутренних областях: в Галлии, на Рейне, во Фракии, в Африке, и в других местах. Большею частью это были германцы. Дети летов могли наследовать своим родителям в том случае, если несли военную службу (CTh, VII, 20, 12).

Основная масса таких солдат, по-видимому, владела участками, близкими по своим размерам к крестьянским наделам. В Африке, судя по данным аэрофотосъемки, за зоной оборонительных сооружений находилась полоса обрабатываемых земель, состоявшая из отдельных небольших участков³³. На периферии Западной Римской империи, особенно в слабо романизованных областях находился значительный слой свободных крестьян. О подобного рода деревнях в Галлии на Луаре можно судить по сатирическому произведению позднеантичного периода «*Querolus sive Aulularia*». В этой комедии говорится о людях, которые живут не по римским законам, но по варварскому праву, где все дозволено, в ней упоминается, что крестьяне выступают перед судом³⁴.

Такие же свободные крестьянские общины имелись на Пиренейском полуострове, особенно в областях басков и кантабров, в Северной Африке. На Дунае в Норике в конце V в., судя по житию св. Северина, написанному Эвгипшием, основную массу населения в городах, *oppida* и *castella*, составляли мелкие земледельцы, сами работавшие на своих полях³⁵.

Сохранение в поздней Римской империи мелкой земельной собственности вполне закономерно. Рабовладельческая система хозяйства никогда не была в Риме безраздельно господствующей. После же того как начался кризис рабовладельческого общества, применение рабского труда значительно уменьшилось, города пришли в упадок, внешняя и внутренняя торговля и денежное обращение сократились. В таких условиях значение мелкого производства, основанного на труде свободных или зависимых крестьян, стало возрастать. Было бы, разумеется, неправильно преувеличивать устойчивость мелкого крестьянского хозяйства в этот период. Если одной стороной процесса социально-экономического развития было расширение мелкого производства, то другая его сторона — это рост крупного землевладения и различных форм зависимости непосредственных производителей от крупных землевладельцев. Мелкие собственники в большинстве случаев рано или поздно оказывались под патронием у магнатов или церкви, становились их прекаристами или попадали в еще более суровую зависимость, превращаясь в колонов и сервов. Но это был длительный процесс, и в поздней Империи он не завершился. Наряду с разрушением мелкой земельной собственности, в ряде случаев можно констатировать ее возникновение. Об этом свидетельствует тот факт, что мелкая земельная собственность и свободные крестьяне сохранились в Западной Империи ко времени

³³ См. Г. Г. Диллгенский, Северная Африка в IV—V веках, М., 1961, стр. 95—97; ср. И. Ф. Головачев, Мелкое и среднее землевладение в Римской Африке первых трех веков Империи, ВДИ, 1963, № 3, стр. 153.

³⁴ *Querolus sive Aulularia*, ed. G. Ranstrand, Göteborg, 1951, стр. 17.

³⁵ E u g i p p., Vita S. Severini, с. 12, 14, 22.

ее завоевания варварами и в первые века существования варварских королевств на римской территории.

В Южной и Юго-Восточной Галлии и в Испании, где поселились вестготы и бургунды, судя по юридическим и нарративным памятникам, в V в. еще имелись мелкие земельные собственники галло- и испано-римского происхождения. Известно, что когда готы и бургунды осуществляли раздел земель с местным населением, они занимали также и земли мелких собственников³⁶. Бревинарий Алариха — свод законов, изданный в 506 г. вестготским королем Аларихом II для галло-римского и испано-римского населения Вестготского королевства, — содержит положения позднеримского права о куриалах и плебейх. Статус тех и других остается прежним. В бургундских законах также сохраняется социальная градация, существовавшая в период Империи среди свободного римского населения: различаются *honestiores* и *humiliores, optimati, mediocres* и *inferiores*³⁷.

В областях Галлии к северу от Луары, занятых франками в конце V в., тоже сохранились галло-римские мелкие земельные собственники. Согласно широко распространенной в специальной литературе точке зрения, *possessor Romanus* Салической правды, чья жизнь охраняется таким же вергельдом, как и жизнь франкского лига, это средний или мелкий собственник, куриал или свободный крестьянин из плебса³⁸. По-видимому, таких же мелких земельных собственников имеют в виду нарративные и юридические памятники, упоминающие *minor populus* городских округов и соседей³⁹ (*vicini*), присутствовавших на суде в местечках (*loci*) (*Form. Andec.*, 33).

В остготской Италии сохранилась позднеримская социальная структура (среди местного населения). Кассиодор пишет о куриалах, посессорах и плебсе. Как и прежде, состав курий неоднороден: городская верхушка притесняет основную массу куриалов, посессоров (*mediocres, tenues*)⁴⁰.

По-видимому, часть этих куриалов и посессоров, как и прежде, — мелкие собственники, крестьяне. У Кассиодора встречается также термин *rustici*, который обозначает иногда свободных крестьян, иногда всех земледельцев, в том числе и колоннов⁴¹.

Массы мелких земельных собственников не представляли собой в поздней Римской империи единой сословной группы. Они входили в состав различных сословных групп, отличных друг от друга по своему общественному и юридическому положению. Те земледельцы, которые вошли в орду куриалов, пользовались, по крайней мере формально, рядом преимуществ по сравнению с основной массой прочих свободных крестьян. Земледельцы, относившиеся к *plebs rustica*, платили *аднопа* и *сепитатю*, которых не выплачивал городской плебс (*plebs intramurana*)⁴². В особом положении находились крестьяне-ветераны и солдаты-земледельцы — *леги*. От всех же названных групп земледельческого населения отличались по своему экономическому и социальному положению свободные крестьяне на периферии Империи, где сохранились еще пережитки общинного устройства.

А. Р. Корсунский

³⁶ См. А. И. Неусыхин, Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв., М., 1956, стр. 315; А. Р. Корсунский, Об условиях поселения вестготов в Южной Галлии и Испании, сб. «Средние века», вып. 25, 1964, стр. 24—25.

³⁷ L. Burg., II, 2; XXVI, 1; CI, 1; LRBurg., XXVI, 1—3.

³⁸ L. Sal., XLI, 6; XLII, 4. См. библиографию по данному вопросу в книге: А. Р. Корсунский, Образование раннефеодального государства в Западной Европе, М., 1963, стр. 53.

³⁹ Greg. Turon., Hist. Franc. II, с. 24.

⁴⁰ Cassiod., Variar., VIII, 31, 9; I, 19, 2; II, 24, 4; IX, 2, 4.

⁴¹ Cassiod., Variar., VIII, 33, 1—2; VIII, 31, 5; VIII, 32, 5. См. З. В.

Удальцова, Италия и Византия, М., 1959, стр. 105—112; см. также рецензию А. И. Неусыхина в сб. «Средние века», вып. XX, 1961, стр. 237—238.

⁴² См. S. Mazzarino, Aspetti sociali del quarto secolo, Roma, 1951, стр. 250.

SMALL LANDED PROPERTY IN THE WESTERN PROVINCES
OF THE LATE ROMAN EMPIRE

by A. R. Korsunsky

In spite of the growth of large landownership small landed property never disappeared from the Roman Empire. Small landowners lived in villages, *castella*, and formed part of the population of city communities. They were not confined to persons of any one status. Many of them belonged to the plebs, which was distinct from both slaves and *coloni*. On the other hand, most plebeians of the Late Empire belonged to the *humiliores*, and their free condition suffered some curtailment. In respect to their economic condition small landowners are characterised in the sources as *possessores* or *minores possessores*. Besides plebeians, the poorest sections of the *curiales* are found among small landowners, and also freedmen, *veterani* and *laeti*. In the outlying parts of the Empire, where Romanisation had made little progress, there were still large masses of people on the land who had not yet outgrown communal social organisation. The economic position of the small holders was gradually undermined, and they submitted to the protection (*patrocinium*) of magnates, as *precarium* tenants or as *coloni*. However, this process was not completed in the Imperial epoch. The barbarian settlement in Gaul, Spain and Italy found small landed property still in existence among the local population.

О ДРЕВНЕЙШЕЙ БАЗИЛИКЕ ПИТИУНТА
И ЕЕ МОЗАИКАХ

В настоящей статье будет идти речь о самом, по-видимому, сложном и интересном памятнике римско-византийского Питиунта — о его древнейшей христианской базилике, мозаика и греческая надпись которой уже в отдельности рассматривались на страницах этого журнала¹. Однако памятнику в целом исследователи пока еще не уделили должного внимания. Между тем рассмотрение памятника в целом необходимо главным образом потому, что ни архитектура его, ни мозаика, ни надпись не могут быть до конца осмыслены при изолированном их исследовании. Попытка установить связь между архитектурой базилики, ее мозаикой, надписью, а также некоторыми данными письменных источников и составляет здесь нашу задачу, решение которой, однако, пока может быть лишь предварительным, ибо и многие излагаемые ниже наблюдения, видимо, требуют дальнейших исправлений и уточнений.

Рассматриваемая базилика была обнаружена в 1952 г. Бичвинтской археологической экспедицией Института истории АН ГрузССР, которой руководит проф. А. М. Апакидзе. Изучение этой базилики затруднено, во-первых, отсутствием подробных опубликованных отчетов о ее раскопках и, во-вторых, двуслойностью самого памятника: над остатками рассматриваемой базилики была выстроена вторая, также раннесредневековая, повторявшая в основном планировку и размеры первой. Единственной публикацией, отражающей стратиграфию обеих базилик, т. е. фактической публикацией древнейшей базилики Питиунта, была до сих пор работа А. Хачатряна². Для настоящей работы мы воспользовались не публиковавшимся пока чертежом обеих базилик, на который нанесены также и мозаики, что позволяет установить их взаимоотношение с архитектурой древнейшей базилики. Этот чертеж, хранящийся в Гос. музее Грузии и предназначенный для одной из выставок, выполнен профессором И. Н. Циципвили, архитектором и

¹ Л. А. Мацулевиц, Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте, ВДИ, 1956, № 4, стр. 146 сл.; Т. С. Раухчишвили, Эпиграфические новости из Грузии, ВДИ, 1958, № 4, стр. 130 сл.

² А. K h a t c h a t r i a n, Les baptistères paléochrétiens, P., 1962, рис. 123.

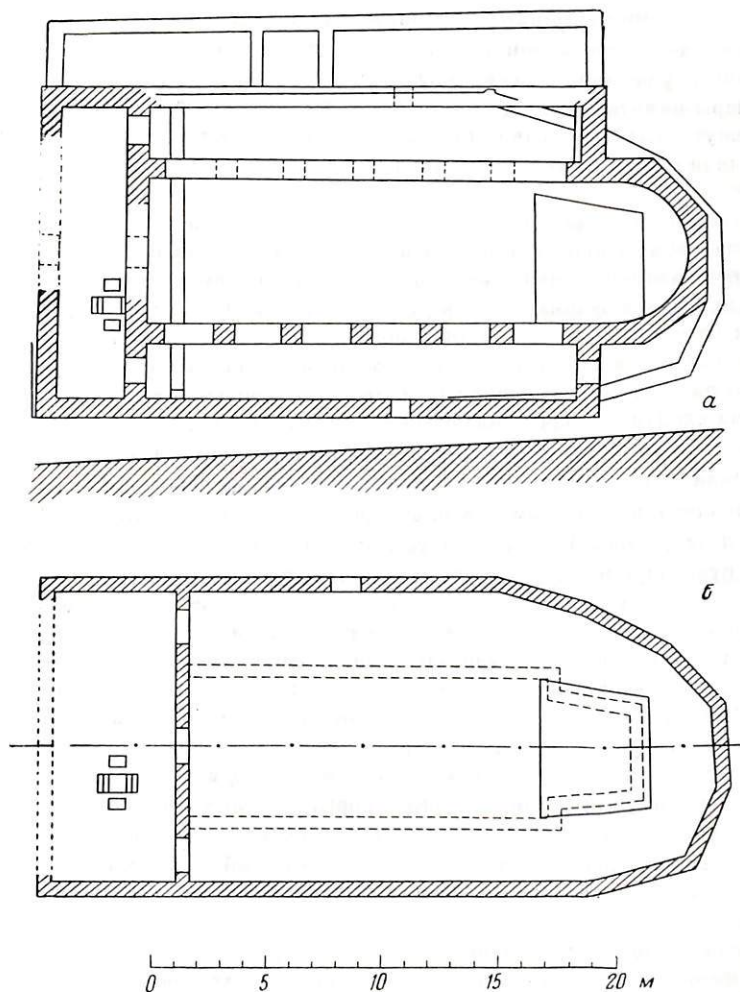

Рис. 1 — *a* — остатки двух базилик в Питунте (по И. Н. Цицишвили);
б — реконструкция древнейшей базилики Питунта

Бичвинтской археологической экспедиции, которому принадлежит также и наиболее компетентное, хотя, к сожалению, очень краткое, описание интересующего нас памятника, связанное лишь с публикацией более поздней базилики³. Помещенный в настоящей статье рис. 1*a*, в частности, сделан на основе указанного чертежа проф. И. Н. Цицишвили, а на рис. 3 и 7 воспроизводятся детали того же чертежа.

Итак, древнейшая базилика (см. рис. 1*a*) представляла собой вытянутое прямоугольное сооружение с очень большой шести- или семигранной абсидой, совпадавшей по своей ширине с общей шириной всей основной части храма. Такие абсиды, как известно, наблюдаются обычно у простейших церквей зального типа, т. е. у однефных церквей, в связи с чем, по-видимому, и высказывалось мнение о том, что рассматриваемый памятник был именно такой церковью⁴. Однако И. Н. Цицишвили определенно и неоднократно пишет о том, что исследуемый памятник представлял собой трехнефную базилику, разде-

³ И. Н. Цицишвили, История грузинской архитектуры, Тбилиси, 1955 (на груз. яз.), стр. 41.

⁴ Л. А. Шервашидзе, Пицундский мозаичный пол, «VII Всесоюзная конференция византинистов в Тбилиси», Тбилиси, 1965, стр. 96 сл.